

Вильям Фишер

14 октября 1957 года в США в здании федерального суда Восточного округа Нью-Йорка начался освещавшийся в прессе судебный процесс по делу № 45094 «Соединенные Штаты Америки против Рудольфа Ивановича Абеля». На скамье подсудимых находился советский разведчик-нелегал, полковник Вильям Генрихович Фишер, который после ареста не признал своей принадлежности к советской внешней разведке и не назвал своего настоящего имени. Он выступал под видом перемещенного лица из СССР послевоенных времен по фамилии Абель. На самом деле Абель — фамилия его товарища, с которым он работал в центральном аппарате разведки и жил в одной квартире во время Великой Отечественной войны. Этим разведчик дал понять руководству разведки, что не раскрыл себя и будет действовать по выработанной им легенде. Таким образом, вследствие этого судебного процесса Вильям Генрихович Фишер и стал широко известен как Рудольф Абель.

Провал, а затем арест разведчика произошли в результате предательства помощника Фишера Хэйханена, который на почве пьянства оказался не в состоянии вести разведывательную работу и получил (под благовидным предлогом) указание возвращаться в Москву. Надеясь, что на предательстве он заработает большие деньги и обеспечит себе вольготную жизнь, Хэйханен явился к властям США и рассказал то, что знал о своем руководителе. Он сообщил, что его начальник имеет звание полковника, дал описание его внешности, характер прикрытия и примерный район его проживания. Другого он не знал.

По этим данным ФБР установило и арестовало Фишера. Поскольку других данных ФБР не имело, на судебном процессе он фигурировал как «полковник Абель» — сотрудник советской разведки.

Американская и иностранная пресса уделила процессу очень большое внимание. В условиях холодной войны арест советского разведчика для руководящих кругов США был поистине большой находкой. Важное значение имело поведение на суде самого разведчика. Им был избран оптимальный вариант действий. В соответствии с американским законодательством он отказался от дачи показаний, уполномочил суд выделить ему защитника и весь процесс обратил в диалог между судом и защитой. Это лишило обвинение

возможности требовать от разведчика показаний, объяснений, доказательств и разыгрывать эффектные сцены политического шоу.

Во время процесса Фишер сидел позади своих защитников и внешне спокойно наблюдал за происходящим, время от времени делая пометки и зарисовки. «Репортеры и все остальные, — писал впоследствии его адвокат Донован, — кто день за днем сидел в зале, наблюдал за тем, как Абель делает заметки, что-то рисует и непринужденно разговаривает со своим защитником во время перерывов, были уверены, что он холодный человек, бесстрастный наблюдатель, не заинтересованный в исходе процесса. Они не могли бы впасть в большую ошибку. Только железная самодисциплина позволила ему сидеть молча и спокойно, не показывая ни единого признака того, что он переживал физическую и эмоциональную пытку. Никто из нас не знал и того, что физически он был не очень-то здоровым человеком. У него была серьезная желудочная болезнь (язва. — *Авт.*), на которую он ни разу не пожаловался»^[16].

Ведя защиту Фишера по долгу службы, Донован в такой степени проникся уважением к его интеллекту и мужеству, что взялся за литературный труд, посвятив разведчику весьма объективно написанную книгу.

Доказать, что Фишер-Абель занимался шпионажем, суду не удалось. Не было ни единого факта, который подтверждал бы получение подсудимым секретных данных и их передачу иностранному государству. Однако прокурор потребовал признать обвиняемого виновным по всем пунктам обвинения на основании того, как сказал он, что «для признания обвиняемого виновным вовсе не обязательно, чтобы преступник уже совершил свое деяние»^[17].

15 ноября 1957 года суд вынес решение. Он приговорил Рудольфа Ивановича Абеля к 30 годам тюремного заключения.

Ни во время предварительного следствия, где ФБР применяло и нажим, и различные посулы, ни во время суда и тюремного заключения Вильям Генрихович не выдал секретов советской разведки и других данных, связанных с его миссией в США.

Мужественное, спокойное поведение Фишера, свидетельские показания о его моральном облике и образе жизни во время нахождения в США вызывали симпатии публики и журналистов. Характерен такой факт. На суде были зачитаны письма его жены и дочери, которые были изъяты при его аресте. Он хранил их как самое дорогое, чем располагал в США в личном плане, они помогали

переносить трудности нелегального положения и вселяли надежду на будущее. Сердечные письма характеризовали обвиняемого как преданного мужа и отца. Это вызвало волну уважения к личности советского разведчика, подчинившего свои личные интересы делу служения Родине.

Что касается Хэйханена, то американская публика смотрела на него как на предателя и морально разложившегося человека. В одном из документов, касающихся судебного процесса, отмечается: «Хэйханен покинул место свидетеля (а он проходил на процессе как свидетель. — *Лет.*), ответив на 220 вопросов. Он ушел как побитый, с низко опущенной головой, красный и потный. Сделав свое подлое дело, в дальнейшем он оказался никому не нужным. Спустя четыре года он погиб во время автомобильной катастрофы на Пенсильванском шоссе при невыясненных обстоятельствах».

Донован о предателе пишет так: «Подобно многим своим предшественникам, Хэйханен признавал, что жизнь большинства «перебежчиков» не перестает быть адом. Как только он перешел линию, старые его страхи сменились новыми. Он потерял семью, Родину, прошлое... Во время Второй мировой войны я знал многих перебежчиков. Несчастные случаи, пьянство, так называемое нервное расстройство и самоубийства были частыми явлениями среди них»^[18].

Фишер прибыл в США в 1948 году и девять лет до дня ареста вел здесь разведывательную работу. Организация нелегального звена в такой стране, как США, — дело непростое. И создание таких звеньев всегда сопряжено с обстоятельствами чрезвычайного характера.

США и Англия взяли курс на резкую конфронтацию с СССР, чреватую серьезным осложнением обстановки в мире. Опубликованные к настоящему времени секретные документы США показывают, что уже с 1945 года Соединенные Штаты разрабатывали конкретные планы атомного нападения на СССР. Документ «Основа для формулирования военной политики США», одобренный Комитетом начальников штабов 19 сентября 1945 года и представленный на рассмотрение президента Г. Трумэна, рекомендовал вести «все приготовления для того, чтобы при необходимости нанести первый удар» с применением атомного оружия. Позднее, в 1949 году, был разработан план «Дроп-шот», намечавший сбросить на Советский Союз 300 атомных и 250 тыс. тонн обычных бомб.

В 1946 году американская и английская разведки приступили к осуществлению программы тотального шпионажа в отношении СССР и стран Восточной Европы. Специально обученная агентура забрасывается в Советский Союз через «зеленую» границу из Турции и Ирана, с самолетов на парашютах из Западной Германии и Японии, морским путем с использованием различных плавсредств из Англии, Западной Германии, Швеции.

В таких условиях перед внешней разведкой стояла задача «не проглядеть подготовки со стороны США и Англии внезапного нападения на Советский Союз», и нелегальные звенья рассматривались как наиболее жизнестойкие разведывательные структуры, способные функционировать не только в обычных условиях, но и в кризисных ситуациях.

Так было создано нелегальное разведывательное звено в США во главе с кадровым разведчиком Вильямом Генриховичем Фишером. Перед ним была поставлена задача: осесть в США под видом местного гражданина, создать прочное прикрытие, отработать надежные каналы связи с Центром, принять на связь некоторых агентов, организовать работу по приобретению новых источников и с их помощью добывать информацию, связанную с обеспечением безопасности нашего государства.

Нелегальная работа, на которую пошел советский разведчик, не делается по приказу. Она осуществляется по зову сердца. Сюда люди идут добровольно, поскольку по своему характеру такая деятельность связана с риском для жизни и тяжелыми испытаниями.

Будучи хорошо знаком с положением в мире и сознавая, что над Родиной нависает новая военная опасность, Вильям Генрихович изъявил желание выехать на нелегальную работу за границу. В это время ему шел 44-й год.

Самым трудным было расстаться на продолжительное время с семьей, пойти на разлуку с близкими людьми — женой и дочерью — семьей, где царила атмосфера теплоты и нежности. Но Вильям был человеком долга. Своими намерениями он поделился с женой — Еленой Степановной, объяснил ей причины, которые побуждают его принять такое решение. После продолжительного обсуждения она согласилась с доводами мужа и благословила его на этот нелегкий труд.

На следующий день Вильям Генрихович подал руководству рапорт, в котором говорилось:

«Я, Фишер Вильям Генрихович, вполне сознавая важность для моей Родины — Союза ССР — нелегальной работы и отчетливо представляя себе все трудности и опасности этой работы, добровольно соглашаюсь стать в ряды нелегальных работников Министерства государственной безопасности СССР.

Я понимаю, что работа нелегального советского разведчика является самой почетной и ответственной для чекистов.

Я обязуюсь, став нелегальным разведчиком, подчинить всю свою дальнейшую жизнь, все свои стремления и поведение интересам моей Родины.

Я обязуюсь строго, точно и беспрекословно выполнять все указания моих руководителей по нелегальной работе.

Я обязуюсь строго соблюдать конспирацию, ни при каких обстоятельствах не раскрою врагам доверенных мне тайн и лучше приму смерть, чем предаю интересы моей Родины.

В. Фишер».

Рапорт был написан в апреле 1946 года, а в октябре 1948 года, после двухлетней подготовки, Фишер отбыл за границу, в ноябре того же года был уже в Нью-Йорке.

Фишер не был новичком в разведке. До Второй мировой войны он дважды находился в загранкомандировках в нелегальных условиях в странах Европы. В совершенстве владея английским языком, будучи хорошо знаком с нравами и обычаями европейцев, он успешно выполнял поставленные перед ним задачи.

Детские и юношеские годы Вильям провел за границей и поэтому имел хорошую языковую подготовку и полное представление о жизни европейцев. Ему не требовалось больших усилий для перевоплощения в иностранца.

Родился Вильям Генрихович 11 июля 1903 года в Англии. Его родители — Генрих Матвеевич и Любовь Васильевна Фишер — были политэмигрантами из России. Они были высланы из страны в 1901 году за революционную деятельность и обосновались в Англии.

Отец Вильяма — Генрих Матвеевич — родился в 1871 году в Мологском уезде Ярославской губернии в многодетной семье немецкого происхождения. После окончания школы Генрих Матвеевич переехал в Петербург, работал на заводах токарем, приобщился к революционной деятельности. Затем — переезд в Саратов, женитьба на близкой ему по мировоззрению восемнадцатилетней Любви Васильевне, русской по национальности, и высылка за границу.

Вильям вместе со старшим братом — Генрихом росли в английской среде, учились в английской школе, свободное время проводили со своими сверстниками из семей англичан. Отец работал на заводе, что позволяло более или менее сносно содержать семью. В школе будущего разведчика больше всего увлекали математика, физика, астрономия, механика, история.

В 15 лет Вилли начал работать, его приняли учеником чертежника в конструкторское бюро судоверфи. Одновременно он продолжал заниматься по программе средней школы и в 16 лет сдал экзамен в Лондонский университет.

После Октябрьской революции родители стали готовиться к возвращению на Родину и в 1921 году приехали в Москву. Вильям и его брат Генрих также стремились в Россию. В семье воспитание велось в русском духе. Большая заслуга в привитии детям любви к их исторической родине принадлежит матери, Любви Васильевне. Языком общения в семье был русский, вне дома дети разговаривали на английском. Таким образом, они в равной степени владели и русским, и английским языками.

Вилли работал вначале переводчиком в Исполкоме Коминтерна, поступил на учебу в Институт востоковедения. Но в институте удалось проучиться всего лишь год. В 1925 году его призвали в армию. Службу он проходил в радиотелеграфном полку, здесь приобрел специальность радиста, сыгравшую в его дальнейшей судьбе важную роль.

Жизнь в армейском коллективе дала хорошую закалку, там он подружился со многими товарищами, ставшими впоследствии знатными людьми страны. Личным другом Вилли с тех лет был известный полярник, Герой Советского Союза, радист экспедиции Папанина на Северном полюсе Эрнст Кренкель.

После демобилизации Вильям поступил в научно-испытательный институт Военно-воздушных сил РККА в качестве радиотехника. Но проработал там недолго. Уже в 1927 году его направили во внешнюю разведку. В этом же году он женился на Елене Степановне Лебедевой, студентке консерватории.

Около четырех лет Фишер проработал в центральном аппарате разведки. В 1931 году руководство предложило ему выехать в заграничную командировку. Поездку за границу планировалось осуществить необычным путем. Он должен был ехать по своим собственным документам, но не как гражданин СССР, а как подданный

Великобритании. Ему нужно было обратиться в английское посольство в Москве с ходатайством о возвращении в Англию.

С юридической стороны эта операция выглядела законной, не вызвала сомнений и ее правдоподобность, поскольку в этот период поток эмигрантов из СССР еще продолжался.

В соответствии с полученным заданием он должен был выехать в одну из Скандинавских стран и создать там пункт связи, который обеспечил бы радиосвязь резидентуры с Центром. Резидентура в этой стране вела работу по сопредельным государствам и остро нуждалась в поддержании регулярной связи с Москвой.

Хлопоты в английском посольстве завершились успешно. Вскоре Вильям и Елена Фишеры получили английские паспорта и выехали к месту назначения. В стране пребывания Вильям нанес визит английскому консулу, объяснил, что намерен задержаться здесь и подзаработать денег, а уж затем выехать в Англию. Никаких возражений на этот счет консул не высказал.

В одном из пригородных районов столицы Фишер снял виллу и устроил в ней кустарную радиомастерскую. Создание этого прикрытия позволило легендировать наличие средств к существованию. Елена Степановна преподавала балет в частной школе.

Созданный Вильямом Генриховичем пункт связи действовал нормально. Оперативные дела и работа по прикрытию шли успешно. Однако в 1934 году возникли трудности. Местные власти сообщили об отказе Фишеру в праве на дальнейшую работу и предложили после окончания срока пребывания выехать из страны. Как выяснилось позже, это было связано с ходатайством разведчика разрешить ему поступить на государственную службу.

После почти четырехлетнего пребывания за границей Вильям Генрихович вместе с женой и дочерью возвратился в Москву.

Проанализировав работу разведчика за границей, руководство внешней разведки приняло решение после отдыха и короткой подготовки направить его в другую страну с более сложной оперативной обстановкой. Заданием предусматривалась организация двусторонней радиосвязи между нелегальной резидентурой и Центром.

Затем Фишер с семьей выехал в Западную Европу. Два месяца потребовалось для того, чтобы адаптировать шестилетнюю дочь к заграничным условиям. Пребывание в СССР привело к тому, что девочка набралась различных московских впечатлений, которые было

необходимо устранить, иначе это могло негативно отразиться на вопросах безопасности.

Фишеры поселились в скромной гостинице и стали подыскивать квартиру. Вскоре это удалось. Труднее было с прикрытием. Выдавая себя за только что приехавшего из Скандинавской страны специалиста по радиотехнике, Фишер попытался было заняться аналогичной работой и здесь, но предлагаемые услуги не находили спроса. Поэтому, легендируя наличие некоторых сбережений, позволявших содержать семью, он одновременно стал свободным художником, создав дома подобие студии изобразительного искусства.

Работа продвигалась успешно. В феврале 1936 года помощник резидента сообщил в Центр, что Фишер готов начать двустороннюю радиосвязь и даже просил прислать шифры и радиопрограмму.

Но жизнь распорядилась по-своему. По соображениям безопасности он был отозван в Москву.

Вильям Генрихович был назначен на должность старшего оперативного уполномоченного и начал работать в центральном аппарате внешней разведки. Жизнь семьи Фишеров вошла в нормальное русло. Елена Степановна поступила в детский театр арфисткой. Дочь Эвелина пошла в школу.

Новый, 1939 год принес семье немало тревог. Вильяма Генриховича без объяснения причин уволили со службы. Это было сильнейшим ударом, от которого он долго не мог оправиться. Нужно было браться за какую-то работу, чтобы содержать семью. Однако найти занятие, которое устраивало бы Вильяма, оказалось непросто. Наконец ему удалось устроиться во Всесоюзную торговую палату в качестве техника по реализации патентов. Затем он перешел на завод Наркомата авиапромышленности. На заводе он проработал до начала Великой Отечественной войны.

В сентябре 1941 года Фишеру предложили вернуться на службу в органы госбезопасности. Как вспоминал Вильям Генрихович, на него не оказывалось никакого давления, беседа была корректной и обстоятельной. Ему предложили подумать и потом дать ответ. Несмотря на душевную травму, которая была нанесена увольнением, а значит, и недоверием, для Фишера ответ был ясен. Шла война, и он дал согласие.

Вскоре приказом НКВД СССР Вильяма зачислили старшим оперативным уполномоченным вновь созданного в связи с военным

положением подразделения, занимавшегося организацией боевых разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов на оккупированной врагом советской территории. Занимался он подготовкой радистов и выполнял другие обязанности, связанные с заброской в тыл врага наших людей. Работа была нелегкой, требовавшей не только четкости и аккуратности, но и большого физического напряжения. Работали сутками. Приходилось выезжать и в прифронтовые зоны для выполнения заданий руководства. Одна из таких поездок была связана с оперативной игрой «Березино». Она была начата в августе 1944 года и завершилась в дни капитуляции гитлеровского рейха. Суть ее состояла в легендировании нахождения на территории СССР крупной воинской части Германии. Радиоигра, в которой участвовал Фишер, помогла «выловить» 22 германских разведчика, посланных на помощь «окруженным», большое количество вооружения и радиооборудования.

Семья его была эвакуирована в Куйбышев, а он сам, когда не находился в разъездах, обитал в коммунальной квартирке в Москве в Трицком переулке.

День Победы Вильям Генрихович встретил в Москве в кругу семьи и друзей.

За выполнение заданий, связанных с обеспечением государственной безопасности Родины в годы Великой Отечественной войны, Фишер был награжден орденом Красной Звезды и медалями: «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, «За победу над Германией», «За оборону Москвы».

Послевоенная служба Вильяма Генриховича вновь оказалась связанной с внешней разведкой. Он был заместителем начальника отделения в подразделении, которое занималось ведением разведки по странам Запада.

Как уже упоминалось ранее, Фишер добровольно выразил желание выехать за границу в качестве нелегала.

В США Фишер обосновался в Нью-Йорке под именем американца Гольдфуса, свободного художника. В 1950 году он открыл ателье по изготовлению увеличенных репродукций с цветных диапозитивов, туда же переехал на жительство. Позже Вильям Генрихович нашел другое помещение, открыл художественное ателье по производству цветных фотографий и для занятий живописью.

Прикрытие оказалось удачным. Он быстро и уверенно вошел в местную среду, окружение его приняло как добропорядочного

американца. Нелегал вел образ жизни одинокого пожилого человека, достаточно эрудированного, обладающего многими талантами. Знакомые относились к нему с уважением.

Одновременно он отлаживал каналы связи с Центром и контакты с источниками. Помимо прикрытия, отнимавшего немало времени, нужно было проводить встречи, получать и обрабатывать информацию, отправлять ее в Центр, изучать и подбирать места для встреч, отрабатывать проверочные маршруты.

За успешную работу в августе 1949 года Фишер был награжден орденом Красного Знамени.

В конце 1952 года в помощь разведчику был направлен Хэйханен, кадровый сотрудник КГБ, выступавший под видом американца финского происхождения. Центр решил разгрузить Фишера от ряда трудоемких технических обязанностей, сосредоточив его внимание на работе с источниками и добывании разведывательной информации. В задачу Хэйханена входило главным образом обеспечение двусторонней радиосвязи с Центром.

Вильям Генрихович был доволен приездом Хэйханена. Помогал ему в легализации, создании прикрытия, освоении обстановки и включении в работу. Как кадровому работнику, резидент полностью доверял ему, но старался не выходить за рамки дозволенного. Хэйханену было известно, что резидент — полковник, живет в Нью-Йорке под видом американца, занимающегося живописью и цветной фотографией. Ни легализационных данных, ни настоящего имени, ни адреса новый работник не знал.

Встречи с радистом Фишер проводил в отдаленных от районов их проживания местах. Лишь однажды, когда Хэйханен не смог выполнить порученную ему работу из-за отсутствия фотоматериалов, резидент привел его поближе к своему дому, попросил подождать и отлучился на 15 минут, чтобы принести ему нужные материалы. «Если бы Абель не совершил этой непростительной ошибки, — пишет Донован, — позволив своему подчиненному Хэйханену узнать, где находится его студия, то все могло бы обернуться иначе. Именно эта ошибка привела к аресту Абеля и затем к судебному процессу, в ходе которого на карту была поставлена его жизнь»^[19].

Падение Хэйханена началось с выпивок. Ему стало не хватать денег, и он начал тратить на личные нужды оперативные средства.

Пьянство повлекло за собой и моральную распущенность. Хэйханен женился тацком от Центра и, подпав под влияние новой жены (на

родине у него остались жена и ребенок), самоустранился от разведывательной работы. На почве увлечения алкоголем между мужем и женой происходили ссоры и скандалы, что вынуждало соседей обращаться в полицию.

В связи с создавшимся положением Центр принял решение отозвать Хэйханена в Москву. Выезд мотивировался необходимостью переподготовки и отдыха. Указание Центра радист воспринял болезненно. Он начал выдумывать предлоги, чтобы заставить изменить это решение.

Предвидя нежелательное развитие событий, Москва предупредила резидента о необходимости принять меры безопасности, в частности прекратить контакт с Хэйханеном, перейти на другие документы и сменить место жительства.

Между тем Центр в радиogramмах Хэйханену продолжал настаивать, чтобы радист выехал из США в Европу, а затем в Москву. В результате на пароходе «Либерте» Хэйханен направился во Францию. Это было в конце апреля 1957 года. По прибытии в Европу с ним была проведена встреча и обусловлен дальнейший путь следования в Москву.

Однако в назначенные сроки Хэйханен в обусловленных пунктах не появился. Меры по его розыску оказались безуспешными.

Как выяснилось, Хэйханен, боясь ответственности за совершенные проступки, решил пойти на самое позорное — на предательство. Он явился в посольство США в Париже, рассказал, кем он является, попросил политического убежища и дал обещание сотрудничать с американскими спецслужбами.

11 мая 1957 года на американском военном самолете предатель секретно был доставлен в США.

На розыск Фишера директор ФБР Гувер выделил крупные силы и лучших специалистов. Установить местожительство резидента оказалось не так просто. Помогло одно. Хэйханен вспомнил место, где Фишер попросил его подождать, когда ходил куда-то за фотоматериалами. Это место, по мнению предателя, находилось недалеко от работы или жилья разведчика.

Проверив все помещения в окружении и расспросив жителей, агенты ФБР пришли наконец к дому № 252 по Фултон-стрит в Нью-Йорке, где на пятом этаже была студия Эмиля Р. Гольдфуса. Но студия была закрыта. От жильцов агенты узнали, что Гольдфус исчез в конце

апреля. За домом № 252 было установлено постоянное наблюдение. Розыск продолжался по всей Америке.

А в это время, выполняя указания Центра, Фишер уже находился во Флориде в Дейтон-Бич, жил в отеле, выдавая себя за Мартина Коллинза. Отсюда в случае опасности он должен был выехать из США. Находился он здесь уже 18 дней. Принимать радиogramмы на имевшийся там радиоприемник оказалось невозможным. Ему удалось принять лишь одну радиogramму, где говорилось о встрече с радистом в Париже, откуда он должен проследовать дальше по маршруту. Это успокоило Вильяма Генриховича. Он счел, что обстановка нормализовалась, решил вернуться в Нью-Йорк и до получения дальнейших указаний Центра не появляться в своей квартире, а жить в отеле под фамилией Коллинза.

Прибыв в Нью-Йорк, не имея связи с Центром, он решил понаблюдать со стороны за своим домом, посмотреть, все ли там спокойно. В квартире находился радиоприемник, который был ему нужен, и необходимо было уничтожить материалы, находившиеся в тайнике, которые могли дать контрразведке зацепку, чтобы выйти на другие дела резидентуры, неизвестные Хэйханену.

Первое наблюдение показало, что в районе дома обстановка спокойная. Но разведчик решил не торопиться. Прошло еще три недели. Он информировал Центр о своем возвращении в Нью-Йорк, но получить ответ из-за помех в эфире, несмотря на все усилия, так и не смог.

После этого вечером он вновь появился у своего дома и, уловив удобную минуту, незаметно вошел в подъезд. Осторожно вошел в квартиру. Убедившись, что здесь все на месте, не зажигая света, он взял свой портативный приемник и, соблюдая меры предосторожности, вышел на улицу.

На маршруте к отелю «Латам», где он остановился, разведчик проверил: все было спокойно.

На другой день он решил проверить тайник, находившийся в ателье под деревянной лестницей. В тайнике хранились пленки с несколькими письмами от семьи, почтовые адреса для связи с Центром, а также шифрованные записи установочных данных ряда источников, условия связи с ними, шифровальные блокноты.

Он вновь незаметно вошел в квартиру. Свет не зажигал. В тайнике все было в целости. Выложив документы на стол, он вспомнил, что в письменном столе должна лежать метрика на Коллинза, по данным

которого он проживал в отеле «Латам». Вильям Генрихович стал рыться в ящике и нечаянно смахнул со стола контейнер, где хранились пленки с письмами от семьи. Пошарив безуспешно в темноте на полу, он, понаблюдав из окна за улицей и не заметив ничего подозрительного, зажег свет. Он быстро нашел контейнер и через две минуты выключил свет.

Возвращаясь в отель, тщательно проверялся. В одном месте заметил человека, который показался ему подозрительным. Но дальнейшие проверки убедили его, что наблюдения за ним вроде бы нет.

Вернувшись в отель, он уничтожил записи, по которым можно было выйти на работавших с ним людей, сохранив лишь условия встречи на случай выезда из США, контейнер с пленкой, где были письма от семьи, текущие шифровальные блокноты и программу радиопередач. В случае ареста уликовых материалов было достаточно, но самое важное он сделал — уничтожил следы, по которым ФБР могло выйти на работавших с ним людей.

Вечером состоялся очередной радиосеанс. Несмотря на то, что радиоприемник раньше действовал безотказно, на этот раз сигналы проходили плохо из-за сильных помех. Расшифровать радиограмму полностью не удалось. Страдая от усталости, в третьем часу ночи он лег спать.

Около семи утра в дверь раздался стук, в комнату ворвались агенты ФБР и разведчику объявили, что он арестован. При этом сказали: «Полковник, мы знаем, кто вы такой и чем занимаетесь. Мы предлагаем вам сотрудничать с нами, в противном случае вас ждет тюрьма».

Из того, что Фишер услышал, он сразу понял, что Хэйханен его предал. Воспользовавшись тем, что ему разрешили надеть брюки и рубашку и позволили выйти в туалет, он изорвал на мелкие кусочки и спустил в унитаз шифрблокноты и бумагу с записью вчерашней радиограммы, которые находились в заднем кармане брюк. Однако некоторые улики все же попали в руки контрразведки.

Фэбээровцы настойчиво требовали согласия на сотрудничество. Однако Вильям Генрихович только разводил руками и повторял, что здесь какая-то ошибка.

Ничего не добившись, сотрудники ФБР передали арестованного сотрудникам отдела службы иммиграции и натурализации. В нью-йоркском отделении этой службы Фишера сфотографировали, сняли

отпечатки пальцев. Через четыре часа его в наручниках доставили в аэропорт и на самолете привезли в г. Магаллен, штат Техас.

Здесь его поместили в одиночную камеру.

На другой день начался допрос. Следователь потребовал рассказать, кто он такой, когда прибыл в США, по каким документам жил и т. д. Вначале Фишер отказывался наотрез давать какие-либо показания. Он заявил, что согласно уголовно-процессуальному кодексу Соединенных Штатов обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Однако настойчивость сотрудников ФБР, их угрозы и даже попытка побоев убедили его в том, что нужно придумать какую-то приемлемую легенду и строго ее придерживаться. Разведчик опасался, что американская контрразведка может начать оперативную игру с Центром от его имени. О его аресте пока в Центре не знают, о предательстве Хэйханена тоже вряд ли известно. Он может выйти в эфир и сообщить, что заболел, вернулся поэтому в США и начать направлять радиogramмы от имени резидента.

Вильям Генрихович понимал, что для предотвращения возможной провокации со стороны ФБР есть только один путь — дать знать Центру о своем аресте.

Он хорошо представлял, что показания предателя и захваченные ФБР уликовые материалы будут служить достаточно убедительными аргументами в любой инстанции, в том числе и судебной, чтобы свидетельствовать, что арестованный является советским разведчиком. Однако признаваться в этом нельзя, это решение было твердым. Но как сообщить Центру? У него созревает решение признать себя выходцем из России, который в числе перемещенных лиц попал в Германию, там в разрушенном доме нашел клад в несколько тысяч долларов, купил себе фальшивый паспорт и прибыл в США. Выступить он решил под фамилией Рудольфа Ивановича Абея, своего старого товарища и сослуживца.

Такая легенда, по мнению разведчика, позволила бы обратиться за защитой в советское посольство, поскольку он мог претендовать на советское гражданство. А это, как он считал, будет сигналом для Центра.

Через некоторое время Фишер сообщил следователям, что готов рассказать о себе, и подготовил письменное обращение в советское посольство. Допросы продолжались целый месяц. Следователи все время старались склонить разведчика к сотрудничеству с ФБР. Убедившись, что Фишер не пойдет на предательство, сообщили ему,

что дело передают в судебные инстанции, что после этого хода назад уже не будет и что его ожидает длительный срок в тюрьме, а возможно, и смертная казнь. Бумагу в посольство согласились направить, но скептически заявили: «Вы теперь КГБ не нужны, они постараются откреститься от вас».

В реальности с обращением в посольство произошло то, чем пугали агенты ФБР. Ответ был таков: «Рудольф Иванович Абель посольству неизвестен, и в числе советских граждан не числится».

Вместе с тем факт обращения арестованного в советское посольство лишил ФБР возможности предпринимать какие-либо шаги оперативного характера, полагая, что советская разведка уже осведомлена об аресте ее сотрудника.

Условия содержания в тюрьмах — нью-йоркской окружной и федеральной исправительной в г. Атланта — были тяжелые. Состав заключенных был разным, но преобладали уголовники. Ссоры и драки, употребление наркотиков, которые непонятно как доставлялись в тюремные помещения, отравляли обстановку, делали ее невыносимой для многих заключенных.

Вильям Генрихович провел в таких условиях четыре с лишним года, но ни разу не пожаловался на плохое содержание.

Он обладал способностью находить себе занятие в любой обстановке. Его ум находился всегда в постоянном поиске увлекавших его идей. То он занимался решением математических задач, то составлением кроссвордов, изобретением различных приспособлений.

В этой связи Донован описывает ситуацию, которая сложилась, когда Фишер находился в нью-йоркской тюрьме. В камеру к нелегалу поместили одного отпетого уголовника, и адвокат решил поинтересоваться обстановкой. Донован приводит следующий диалог, который произошел между ним и его подзащитным:

«— Я слышал, у вас появился сосед по камере?

— Да, — ответил Абель, — бедняга бандит.

— Как вы с ним уживаетесь?

— Очень хорошо, — сказал полковник, закуривая сигарету, — я учу его французскому языку Видите ли, Скуиллант (фамилия заключенного. — *Авт.*) был очень расстроен в связи с тем, что снова попал в тюрьму, и первые дни вел себя, как зверь в клетке. Я не обращал внимания на его возню, но в конце концов она стала мешать

мне решать математические задачи, с помощью которых я убивал время. И вот у меня появилась идея.

Я замечал, что у людей, таких как он и некоторых других, привыкших действовать методами насилия, физическое утомление помогает успокаивать эмоциональное возбуждение. Мне трудно было что-нибудь придумать в маленькой камере с самым строгим режимом. Однако я заметил, что стены, потолок и пол камеры — грязные, и спросил, не хочет ли он поскрести их, чтобы сохранить свою физическую форму.

В конце концов он заявил, что займется этим делом. С тех пор каждый день по несколько часов он скреб камеру и содержал ее в абсолютной чистоте.

Я подумал, чем бы компенсировать его усилия, и предложил учить его французскому языку, и он был в восторге.

Я проявляю терпение — и без каких бы то ни было текстов мы добились весьма неплохих успехов».

Разведчика не оставляли в покое и спецслужбы. С одной стороны, они действовали через администрацию тюрьмы, с другой — через самого адвоката. Donovan профессионально и добросовестно выполнял обязанности защитника, но никогда не упускал возможности в критических ситуациях напомнить, что подзащитный упускает свой шанс, отказываясь от сотрудничества с американскими спецслужбами. Иногда такие беседы принимали форму нажима. Но каждый раз нелегал отвергал эти домогательства, действуя при этом с большим достоинством и тактом.

Мероприятия по вызволению Фишера из американской тюрьмы были начаты в октябре 1957 года. Сотрудники центрального аппарата старались подобрать оптимальный вариант, который позволил бы начать переговоры с американцами.

В процесс работы была включена и Елена Степановна. В качестве ее адвоката был приглашен влиятельный юрист Вольфганг Фогель, член Коллегии адвокатов Большого Берлина. Он должен был выступать в качестве посредника перед американскими властями.

Важным моментом был подбор подходящего кандидата или кандидатов для обмена. В этот период найти таких людей было непросто. Американцы скептически относились к тому, что в СССР найдется равнозначный кандидат.

Итальянский журнал «Темпо» в феврале-марте 1958 года поместил интервью своего корреспондента с заместителем генерального

прокурора США Томпкинсом, который следующим образом охарактеризовал положение: «Это был противник большого масштаба, гений в своей профессии, — отмечал он. — В течение десяти лет он смог не только прожить незамеченным и не обратить на себя внимания, не вызвать к себе подозрения, но сумел даже приобрести симпатии к себе и установить много дружеских связей. Это, несомненно, наиболее важный и самый способный советский агент, который когда-либо попадал в наши руки с 1917 года. В своей профессии — это исключительный человек во всех отношениях... Арест Абеля — дело большого значения. Для подготовки агента с такими способностями требуются годы и годы, может быть, десять лет, а может быть, двадцать. Его сила воли и выдержка таковы, что, если бы мне пришлось написать учебник о поведении секретного агента, я не смог бы посоветовать ничего другого, как имитировать Абеля. Это человек, пожертвовавший всем ради выполнения своей миссии, который полностью перевоплотился в свою роль. Для русских он, несомненно, незаменим. Поэтому я не думаю, чтобы он был обменен на кого-нибудь, поскольку тем самым мы преподнесли бы русским огромный подарок»^[20].

Лед тронулся неожиданно. 1 мая 1960 года в районе Свердловска был сбит американский разведывательный самолет У-2, который пилотировал Френсис Пауэрс, тридцатилетний американский летчик. Самолет принадлежал ЦРУ и был буквально напичкан разнообразной техникой. Задача летчика — сфотографировать ракетные базы под Свердловском.

Пауэрс выбросился с парашютом и был арестован. В дальнейшем американцы начали высказываться в пользу обмена Абеля на Пауэрса. Однако переговоры затянулись на полтора года. И только 10 февраля 1962 года произошел обмен. Он состоялся в Берлине на мосту Альтглинике-брюкке.

Сам Фишер следующим образом описывает события, которые предшествовали обмену:

«Был вечер 6 февраля, мы уже сидели запертые в камере. Подошел надзиратель и сказал: «Абель, возьмите вещи. Идите вниз». Он подождал, пока я кончил сборы. Много времени они не заняли...

Внизу, когда мы вышли из блока камер, меня отвели в комнату дежурного. Там был начальник тюрьмы.

— Вам надо поехать в Нью-Йорк.

...Около двух часов ночи я уже был в самолете, а в пять утра меня принимал дежурный по тюрьме в Нью-Йорке. Через день, 8 февраля, в 15 часов, меня снова одели и вывели из тюрьмы. На улице у входа в тюрьму меня встретил Уилкинсон, бывший начальником тюрьмы в Атланте во время моего пребывания там.

Мы сели в машину, там оказалось еще несколько человек, и в сопровождении второй машины направились к югу...

Отъехав от Нью-Йорка примерно километров сто, мы подъехали к аэродрому, по всем признакам военному. У ворот произошла небольшая заминка — Уилкинсон позвонил кому-то по телефону, а затем наши машины подъехали к четырехмоторному самолету.

Уже темнело, и, когда мы поднялись в воздух и легли на курс, появились звезды. Я выглянул из окна, нашел Большую и Малую Медведицу, Полярную звезду и определил курс: мы летим примерно на 17 градусов к востоку от севера — следовательно, на Европу.

Я знал, что большая дуга из Нью-Йорка на Северную Европу проходит в этом направлении и, когда Уилкинсон спросил меня, имею ли я представление о цели полета, я ему так и ответил: «На Европу».

Он был несколько удивлен, но, когда я ему показал на звезды, он понял, откуда мне было это известно...

В Берлине мы приземлились на аэродроме Темпельгоф, где нас ждали какие-то люди с машинами. Проехав довольно долго по городу, мы подъехали к зданию оккупационных войск США. Меня повели в подвальное помещение... Было совершенно ясно, что дело шло к обмену».

Обмен произошел утром 10 февраля 1962 года. Вильям Генрихович сразу же попал в объятия друзей и коллег, которые принимали участие в этом мероприятии. Затем его привезли на служебную виллу в Карлсхорст, где его ждали жена Елена Степановна и дочь Эвелина.

Состоялась товарищеская встреча. Был поднят не один тост. В конце встречи Вильям Генрихович сказал: «Я испытываю чувства человека, попавшего «с корабля на бал». И радостно, и волнующе, и непривычно, непривычно до такой степени, что даже с бокала легкого сухого вина неимоверно кружится голова. Откровенно говоря, я как во сне. Произошел такой разительный контраст обстановки, что даже трудно поверить в случившееся. «Корабль», на котором мне пришлось находиться без малого пять лет, как вы знаете, имеет весьма прозаическое название — каторжная тюрьма министерства юстиции в городе Атланте. Там я старался делать все возможное для того,

чтобы не уронить чести и достоинства советского человека, до конца выполнить свой служебный долг».

В Москве Вильяма Генриховича приняли руководители Комитета госбезопасности и внешней разведки. Председатель КГБ огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении разведчика орденом Красного Знамени и приказы КГБ о награждении его знаком «Почетный сотрудник госбезопасности» и назначении на должность начальника отдела.

После лечения и отдыха Фишер приступил к работе. Помимо оперативной работы Вильяму Генриховичу приходилось много выступать в чекистских коллективах центрального аппарата и местных органов, а также на предприятиях, в школах и даже в сельских районах. Интерес к личности этого человека был очень велик. Почти десять лет после освобождения из тюрьмы Фишер оставался на службе в разведке, отдавая свои знания и опыт молодым сотрудникам.

Но пришла беда. 15 ноября 1971 года Вильяма Генриховича не стало. Он скончался в клинике онкологии после непродолжительного лечения тяжелой болезни, симптомы которой дали о себе знать лишь в самое последнее время.

Он прожил 68 лет. Это был человек с большими разносторонними способностями. Джеймс Донован так охарактеризовал его: «Это уникальный человек. Он говорил со мной об атомной энергии, как если бы он был лучшим другом Эйнштейна. Абель знал живопись, фотодело, ювелирное искусство, электронику, химию»^[21].

К этому нужно добавить, что он был хорошим музыкантом, лингвистом, прекрасно знал юриспруденцию и литературу.

Особым его увлечением была живопись. Ей он отдавал львиную долю свободного времени. Им были написаны сотни картин, репродукции некоторых из них стали известны широкой публике.

Длительная безупречная служба Вильяма Генриховича Фишера в рядах сотрудников внешней разведки, его мужество и стойкость, беззаветная преданность Родине стали достойным примером. Его имя сохранится в памяти не только разведчиков, но и всех людей, которым дороги интересы нашего Отечества.